Mane Aura

Чудотворцы

Mane Aura
Чудотворцы

https://litres.ru/74731729
SelfPub; 2026

Аннотация

В центре захватывающего приключения — история двух братьев, Зейна и Тобиаса, которые отправляются на поиски исчезнувшего отца. После таинственного исчезновения родителя герои обнаруживают, что обладают необычными способностями: Зейн может управлять огнём силой эмоций, а Тобиас — расшифровывать древние письмена.

Следуя за загадками в отцовском дневнике, братья оказываются втянуты в опасное путешествие через дикие земли. Их путь лежит к древним тайнам чудотворцев — могущественных существ, способных изменять реальность. По дороге к ним присоединяется загадочная Элисса, хранительница древних знаний, которая знает намного больше, чем кажется на первый взгляд.

Mane Aura
Чудотворцы

Пролог, главы 1-4

Чудотворцы

Пролог. Наследие из пепла

Никто не знает, когда в лесу за нашим прудом появились эти исполинские статуи. Старик рассказывал нам с братом, что им более пятисот лет, но я не знаю, стоит ли ему верить. В конце концов, однажды он просто пропал.

До того рокового дня наша жизнь текла лениво и беззаботно. Мы с Тоби целыми днями бездельничали: лазали по вековым деревьям, обдирая колени, и ловили жирных, скользких лягушек в мутном домашнем пруду. Но каждый вечер, стоило солнцу коснуться верхушек деревьев и окрасить небо в багровые тона, отец звал нас домой. Он вытирал натруженные руки о фартук, доставал свой тяжелый, обтянутый потертой кожей дневник и начинал рассказ.

В тот последний вечер он говорил о чудесах и людях, которые их творят, — о чудотворцах. Отец утверждал, что знал одного из них лично. По его словам, это был настоящий ве-

ликан ростом более двух метров, невероятно широкий в плечах, с бледными росчерками старых шрамов на груди — но без единой раны на спине. «Настоящий воин никогда не подставит врагу спину, Зейн», — строго повторял он, глядя мне прямо в глаза. Он рассказывал, что когда этот титан ударял своим огромным кулаком по земле, начиналось землетрясение, и враги в панике разбегались, бросая оружие.

Мы с братом обожали эти истории. Отец тоже расцветал, когда говорил о былом, его вечно усталые глаза зажигались молодым, лихим азартом. Но тот вечер был особенным. Когда пятилетний Тоби вдруг спросил, забавно склонив голову: «Отец, а эти статуи в лесу и чудотворцы как-то связаны между собой?», старик осекся на полуслове. На секунду он сделался очень странным, словно его обдало ледяным сквозняком, а лицо мертвенно побледнело. Он быстро, затравленно бросил взгляд на темное, неосвещенное окно, затем на нас и сухо, отрывисто ответил, что не может этого утверждать. Странно… А я-то рос с непоколебимой уверенностью, что отец знает вообще всё на свете.

Тот вечер стал последним, когда мы были настоящей семьей. Мама умерла от изнурительной болезни, когда родился Тоби, а мне было всего три года, так что отец заменял нам весь мир. И в тот день наш маленький мир рухнул. Мне тогда едва исполнилось восемь.

Уложив нас спать и поправив колючие шерстяные одеяла, отец ушел в свой кабинет. Ночь выдалась тяжелой, удуш-

ливой. Мне снился кошмар, будто из глубокой преисподней лезут жуткие костлявые монстры, пытаясь утащить меня во тьму, а я изо всех сил отбиваюсь, но пальцы не слушаются. Реальность, встретившая меня утром, оказалась куда страшнее любого сна.

Кабинет отца был перевернут вверх дном. Тяжелый дубовый стол сдвинут, любимое кресло расколото, старинные книги и свитки сброшены с полок вперемешку с разбитыми чернильницами — всё выглядело так, будто здесь шла отчаянная, яростная борьба или кто-то что-то лихорадочно искал, не щадя вещей. Самого отца нигде не было. Ни записки на прощание, ни зацепки, ни единого намека на то, что всё-таки произошло. Просто пустой, разгромленный дом, в котором сквозь разбитое стекло гулял ветер.

Осознание того, что мы теперь абсолютно одни, пришло не сразу, а лишь к вечеру, когда тени в пустых комнатах стали длинными, холодными и зловещими.

— Братик, я есть хочу… — тихо позвал Тоби, дергая меня за край рубахи. Его маленькие губы подрагивали от подступающих слез.

Оно и понятно. В последний раз мы ели почти сутки назад, как раз перед отцовским рассказом. Я сглотнул горький, подступивший к горлу ком и решил: надо брать всё в свои руки, я же старший. Порывшись на опустевшей, холодной кухне, я отыскал несколько яиц, кусок черствого серого хлеба и сморщенный обрубок бекона. Пожарить всё это казалось

делом нехитрым — уж точно проще, чем поймать шуструю лягушку в пруду.

Ох, как же я ошибался. Огонь в глубоком очаге никак не хотел разгораться. Спички ломались одна за другой в моих дрожащих пальцах, сырые дрова лишь слабо чадили, выедая глаза едким дымом. Проклиная всё на свете и утирая злые слезы пополам с сажей, я уже готов был завыть от безысходности и страха, как вдруг мне в голову пришла мысль о тех самых чудотворцах из вечерней сказки. Вот бы они пришли прямо сейчас и спасли нас. Помогли бы разжечь этот чертов огонь, обняли бы, сказали, что всё будет хорошо…

Но это было настолько же невероятно, насколько летучей свинье попасться в рыбацкую сеть. Мы жили глухо, в милях от ближайшей деревни, чудотворцев я никогда в глаза не видел, да и верить в сказки из отцовских рассказов перестал лет в пять, когда понял, что магия не лечит смертельные болезни вроде той, что унесла маму. С какой стати им приходить к двум голодным сиротам? Зачем мы им?

Прошло полчаса, а может и целый час в бесплодных попытках развести огонь. Когда последняя спичка с тихим хрустом переломилась в моих пальцах, я от чистой, звенящей ярости и отчаяния просто стал бездумно и зло щелкать пальцами. Не помню, откуда у меня взялась эта привычка, но она всегда помогала мне успокоиться — будто каждый щелчок сбрасывал по капле лишнюю злость.

Как это произошло, я не понял, но через некоторое время

после каждого щелчка дрова словно бы начинали дрожать. Может от злости на самого себя, а может от безнадеги, но я стал щелкать еще сильнее и вдруг из кончиков моих пальцев сорвались настоящие, живые крошечные искры, янтарные и злые. Щелканье — и пламя наконец с треском разгорелось, жадно облизывая поленья. Я замер на коленях перед очагом, забыв, как дышать, не веря собственным глазам, и тупо смотрел на свои ладони, которые всё еще покалывало, словно от сотен мелких иголок.

— Зейн, ты не знаешь, что это за символы? — вырвал меня из оцепенения тихий голос брата.

— Какие символы? — не понял я, судорожно пряча руки за спину и оборачиваясь.

— Ну вот эти, смотри, — Тоби сидел на полу, прижимая к коленям отцовский дневник и показывая на странные, угловатые, глубоко выбитые знаки на кожаной обложке.

У меня перехватило дыхание, а сердце пропустило удар. Дневник?

— Где ты его нашел?! — я напрочь забыл про шкворчащий на сковороде бекон и подлетел к брату.

— Он лежал у меня под подушкой… Наверное, отец спрятал его перед тем, как… уйти.

Странностей становилось слишком много, и они давили на плечи неподъемным грузом. Пропадает отец, кабинет разгромлен в щепки, а то, чем он дорожил больше всего на свете и никогда не выпускал из рук, оказывается припрятанным

под головой его пятилетнего сына.

— Помню, отец показывал мне их, но я тогда не запомнил, — пробормотал Тоби, бережно проводя маленьким пальчиком по глубоким бороздам знаков. — Наверное, это совсем другой язык.

Он немного помолчал, как бы обдумывая свои мысли.

— Если это буквы, мы сможем их когда-нибудь прочитать? — глаза брата внезапно загорелись упрямым, совершенно недетским огнем, который даже испугал меня. — И, может быть, мы узнаем, куда делся наш отец?

— Возможно, — тихо ответил я, все еще баюкая покалывающие пальцы, внутри которых ворочалось чужое, пугающее тепло. — Но я никогда не понимал, как вообще можно читать эту абракадабру.

— А я хочу попробовать. И я попробую, Зейн. Чего бы мне это ни стоило.

Глава 1. Тропа сквозь джунгли и трудности перевода

Десять лет пролетели как один затяжной, тяжелый и изнурительный сон. Тот испуганный восьмилетний мальчишка, который не умел разжечь очаг и плакал над сырыми дровами, остался далеко в прошлом. Годы одиночества и борьбы за выживание выковали из меня совсем другого человека. Теперь я крепко стоял на ногах, умел читать следы и карты, обращаться с тяжелым охотничьим ножом и, что самое глав-

ное, практически научился контролировать своего внутреннего «демона». Почему практически? Потому-что иногда, в порывах злости или отчаяния я так же по привычке щелкал пальцами. Хорошо, что ничего не спалил еще. В моменты, когда мной одолевало отчаяние, злость или любая другая сильная эмоция, когда пальцы начинает нестерпимо покалывать, а вокруг ладоней беспричинно загораются янтарные искры — нужно просто сделать глубокий, размеренный вдох, сжать кулаки и взять себя в руки. Моя маленькая пугающая тайна росла вместе со мной, но главная загадка нашей жизни по-прежнему оставалась запертой за семью замками в старом отцовском дневнике.

Что же до Тобиаса, он совершил то, что я считал чистой воды безумием. Все эти десять лет он буквально бредил записями отца. Брат засыпал и просыпался с этой проклятой книгой, тратил каждую заработанную нами монету на редкие, полуистлевшие свитки и словари, которые нам удавалось с трудом выменять у бродячих торговцев. Он сутками сидел при свете огарка свечи, бледный, с темными кругами под глазами, исписывая сотни клочков бумаги. И в конце концов он взломал этот чертов шифр. Дневник отца наконец-то заговорил.

Записи не были дневником в обычном понимании — это был путевой журнал, хроника и карта одновременно. Они вели нас далеко на юг, в неизведанные, дикие земли, обещая ответы на вопросы, которые мучили нас половину жиз-

ни: кто такие чудотворцы, что за древние изваяния стоят у нашего старого дома и, самое главное, куда и зачем исчез наш отец.

Мы отправились в путь следуя заметкам на полях, чтобы найти ответы на эти вопросы, и возможно уже приблизились к разгадке.

— Мне кажется, или мы уже тут проходили? — я остановился, всматриваясь в знакомый изгиб ствола. — Это дерево я уже где-то видел.

Тоби открыл рот, чтобы привычно отмахнуться, но вместо слов вырвался только сухой, надсадный кашель — влажный воздух будто цеплялся за горло. Он неловко привалился к дереву и на секунду прикрыл глаза, будто даже держать голову было тяжело. Наверное, хотел сказать своё вечное «все деревья одинаковые», но сил на эту привычную браваду уже не осталось.

— Ладно, стой, — сказал я, опуская мачете. — Вижу, тебе не до споров. Давай передохнём.

Тоби слабо кивнул, утёр пот рукавом и, уже чуть спокойнее, снова глянул на карту. Пальцы его дрожали, но голос прозвучал ровно:

— Мы почти пересекли пограничную зону. Ориентир должен быть за этой чащей.

Я огляделся. Мы стояли посреди раскалённого, удушливого леса, где воздух был густым, как сироп, и лип к коже. Огромные, неестественно раскидистые папоротники закры-

вали солнце, превращая день в вечные зеленоватые сумерки, а под ногами чавкала жирная, гнилая почва, источавшая запах прелых листьев и застоявшейся воды.

— Надеюсь, что так и есть, — буркнул я и с силой рубанул мачете по очередной толстой лиане, преграждавшей путь. — Потому что если мы проведём в этих проклятых джунглях ещё хотя бы час, нас сожрут если не дикие звери, то эти плотоядные мошки. У меня уже живого места на шее нет.

Договорить я не успел. Лезвие с хрустом рассекло жёсткие волокна очередной лианы, и та с глухим шлепком рухнула в грязь. Я уже занёс мачете для следующего удара, но вдруг заметил просвет впереди: сквозь плотную стену зелени пробивались тонкие лучи солнца. Ещё один резкий взмах — и перед нами открылась небольшая круглая поляна, залитая редким светом.

На ней, выстроившись идеальным полукругом, стояли они. Местные дикари.

Их появление было настолько беззвучным, словно они соткались из самого тумана. Тела туземцев были почти нагими, покрытыми сложными татуировками, а лица — разрисованы жуткой, засохшей белой глиной, напоминающей оскаленные человеческие черепа. В руках каждый из них сжимал длинное бамбуковое копье с острым, зловеще поблескивающим костяным наконечником. Нас разделяло всего шагов пятнадцать. Воздух мгновенно сгустился, став осязаемым от напряжения. Было слышно только, как где-то высоко в кронах

испуганно закричала птица.

Один из аборигенов — судя по тяжелому ожерелью из крупных клыков на шее и вплетенным в волосы перьям, вожак племени — сделал медленный шаг вперед. Он хищно прищурился, оглядел наш потрепанный вид и издал грозный, гортанный и вопросительный рык, перемежающийся странными щелкающими звуками. Это явно был ультиматум.

— Тоби… — тихо, едва шевеля губами и не переводя взгляда с наконечника копья, направленного мне прямо в грудь, выдохнул я. Моя ладонь медленно, по миллиметру поползла к рукояти охотничьего ножа на поясе. — Твой выход, братец. Скажи им, что мы просто проходим мимо. Что мы не ищем неприятностей. Что мы пришли с миром и чистыми намерениями. Ты же хвастался, что выучил их наречие по заметкам отца на полях.

— Да-да, сейчас, я помню… Главное — соблюдать тональность, — Тоби заметно занервничал, его бледные пальцы судорожно вцепились в ремень сумки, а голос слегка дрогнул. Он сделал глубокий вдох, шагнул на полшага вперед, поднял открытые ладони вверх в универсальном знаке дружелюбия и громко, стараясь изо всех сил четко выговаривать резкие, непривычные для нашего горла звуки, произнес гортанную фразу: — *«Ка'аш торо ни' мату! На'ка ри бака зум!»*

Вожак дикарей резко замер. Его ноздри раздулись, а глаза

округлились до размеров монет. На какую-то короткую, блаженную секунду мне показалось, что дипломатия Тоби сработала, и мы сможем избежать кровопролития. Я даже мысленно расслабил плечи. Но в следующее мгновение лицо вождя налилось бешеной, первобытной яростью, а белая краска на его щеках зловеще исказилась в гримасе гнева. Он закричал так яростно и оглушительно, что с ближних деревьев с шумом взлетела целая стая испуганных попугаев. Вожак резко взмахнул копьем, давая команду своему отряду.

— Тоби, что ты наговорил?! — я рванул его к себе, закрывая плечом, когда воздух снова взорвался свистом летящих копий.

— Прости… — Тоби уже не кричал, а шептал, будто голос пропал от страха. — Я хотел сказать, что мы не враги. Я сверялся с пометками. Я старался говорить громко и чётко… чтобы они точно поняли.

— И что вышло? — рявкнул я, отбивая копьё и тут же уходя перекатом.

Он не ответил сразу. Только судорожно сглотнул, а потом выдавил:

— Слово… оно оказалось другим. Не тем. И я произнёс его. Очень отчётливо. Специально.

— Какое слово? — я не просил подробностей, я хотел понять, насколько всё плохо.

— Про жабу, — выдохнул Тоби. — Про болотную жабу. Оно случайно совпало по звучанию. И… оно оскорбительно.

Для вождя.

— Гениально! — в ярости выкрикнул я, чувствуя, как очередное копьё чиркнуло меня по плечу, с треском разорвав прочную ткань походной куртки и оставив жгучую царапину. — Просто лучший дипломат поколения! Ты старательно и очень громко назвал их вождя болотной жабой?!

Из густых кустов вокруг поляны с диким, торжествующим улюлюканьем и криками высыпало еще с десяток разрисованных воинов. Ситуация стала абсолютно катастрофической. Против целого отряда туземцев с моим мачете и ножом делать было нечего, а применять свою нестабильную магию в этих зарослях означало сжечь нас самих заживо.

— Бежим! — скомандовал я, резко разворачиваясь на пятках.

И мы, не разбирая дороги, бросились назад в густую, непролазную чащу. Мы неслись напролом через колючие кусты, спотыкались о скользкие корни, ломали ветки и тяжело, со свистом дышали, молясь лишь об одном: чтобы у этих разъяренных парней закончились дротики и терпение раньше, чем у нас — последние силы.

Глава 2. Гостиница, поджог и кулинарное наказание

Бешеная погоня закончилась так же внезапно, как и началась. Дикари оказались на удивление суеверными или просто ленивыми созданиями: они с криками преследовали нас

до тех пор, пока мы не пересекли какую-то невидимую, ведомую только им границу их охотничьих угодий. Стоило нам выбежать на старую, заброшенную мощеную дорогу, как улюлюканье позади стихло.

Еле переводя дух, насквозь промокшие от пота, исцарапанные колючками и с ног до головы засыпанные сухими листьями и грязью, мы к позднему вечеру добрались до ближайшего пограничного городка. Это было серое, унылое местечко, живущее за счет проезжих купцов и охотников. Недолго думая, мы буквально ввалились в полутемный, шумный зал местной гостиницы с вывеской «Хмельной кабан» и с облегчением рухнули за самый дальний, уединенный столик в углу. Нам нужно было срочно перевести дыхание, обработать царапины и, наконец, понять, где наш план дал трещину.

— Ну и ну, Тоби, — я со стоном откинулся на жесткую деревянную спинку стула, стянул с себя потрепанную куртку с разорванным рукавом и швырнул её на соседнее сиденье. Всё тело ныло после безумного спринта по болотам. — «Плешивые болотные жабы»? Серьезно? Нас чуть не пустили на сувениры и не поджарили на костре из-за твоих выдающихся успехов в языкознании. Я до сих пор чувствую, как у меня пятки горят.

— Да ладно тебе, я же извинился! Кто же знал, что у них один и тот же звук в зависимости от щелчка означает и «свет», и «жабу»? — Тоби виновато и устало шмыгнул но-

сом, но тут же, словно забыв об опасности, торопливо вытащил из сумки пожелтевшие страницы дневника отца и разложил их на грубом, залитом элем столе. — И вообще, дело не только в моем произношении. Посмотри внимательно на карту. Мы сверяли наши координаты по изгибам старого русла реки, верно? Но за те десять лет, что прошли с исчезновения отца, русло реки в этих краях могло полностью измениться из-за весенних паводков! Кажется, мы вышли вообще не туда. Мы уклонились на три мили восточнее, прямо в пасть к этому племени.

Я раздраженно и тяжело выдохнул, потирая виски. Мысли путались от усталости, голода и разочарования, а пальцы рук до сих пор мелко, противно дрожали от остатков адреналина. По старой, укоренившейся привычке, которая осталась у меня с самого детства и всегда помогала сосредоточиться, я поднял правую руку над столом и начал бездумно, мерно щелкать пальцами, пытаясь унять внутреннюю дрожь. Огонь внутри меня, раззадоренный погоней, отозвался мгновенно. С каждым сухим, тихим «клик» из кончиков моих пальцев с едва слышным шипением вырывалась крошечная, яркая янтарная искра. Она на мгновение освещала глубокие трещины в дереве стола и гасла, оставляя легкий запах паленой шерсти. Щелчок — искра. Щелчок — искра. Это действовало гипнотически.

— Ого… А как ты это делаешь? У тебя что, спички в коже спрятаны? — раздался совсем рядом тоненький, удивленный

и очень любопытный голосок.

Я резко вздрогнул, прерывая щелчок, и судорожно опустил руку под стол. Возле нашего стула, забавно склонив голову набок и держа в руках тряпку для вытирания столов, стояла маленькая девочка лет шести в залатанном, но чистом платьице. Её огромные карие глаза с нескрываемым детским восторгом смотрели на мои ладони. Судя по всему, это была младшая дочка хозяйки или трактирщика, которая незаметно крутилась возле гостей весь вечер.

— Эм… это… это просто фокус, малявка. Ловкость рук и никакого мошенничества, — попытался как можно небрежнее отмахнуться я, чувствуя, как Тоби под столом больно и предупреждающе пнул меня мыском сапога по голени. Брат был прав: демонстрировать силу, пусть даже в виде невинных искр, в случайных приграничных кабаках было верхом глупости. Слухи о чудотворцах здесь ходили нехорошие, и привлекать к себе лишнее внимание нам было никак нельзя.

Но девочка не уходила. Она завороженно, с открытым ртом продолжала стоять на месте, преданно ожидая нового «фокуса» и новой искорки. Я уже открыл рот, чтобы ласково отправить её к матери, как вдруг из глубокого коридора, ведущего на кухню, донеслись быстрые, легкие и уверенные шаги.

— Мина, вот ты где! Ну-ка марш на кухню, мама тебя обыскалась. Что ты здесь к гостям пристаешь? — в общий зал гостиницы быстрой походкой вошла девушка.

Я машинально повернул голову на голос и… замер. Мой язык словно прирос к гортани, а легкие напрочь позабыли, как нужно вдыхать воздух.

Ей было на вид шестнадцать, может, чуть больше. У неё были невероятные, глубокие и сияющие глаза, в которых отражались огни кабака, и целая копна густых, непослушных темно-каштановых волос, в которых запутался мягкий, теплый свет трактирных свечей. Она двигалась с такой естественной, легкой и гордой грацией, что весь этот грязный, прокуренный, шумный зал гостиницы с его пьяными криками, запахами прокислого эля, дешевого табака и жареного жирного мяса мгновенно поблек и растворился. Для меня в эту секунду не существовало больше ничего вокруг. Осталась только она одна.

Она была столь ослепительно прекрасна, что я совершенно потерял контроль над собой и… случайно поджег её сапог.

Да-да, именно так. Мой мозг в эту секунду полностью и окончательно отключился, превратившись в бесполезную кашу, а вот пальцы правой руки, которые я так и не догадался убрать в карман, от неожиданности и сильнейшего внутреннего волнения выдали вместо скромной, невинной искорки приличный такой, злой и мощный сполох живого огня. Сноп горящих, шипящих янтарных брызг сорвался с моих пальцев, пролетел под столом и точнехонько приземлился на носок её новенького, щегольского кожаного сапожка. Са-

пог этот, судя по всему, был совсем недавно и весьма обильно смазан дегтем и жиром для защиты от дорожной сырости. Состав этот оказался на редкость горючим. Кожа вспыхнула весело, ярко и мгновенно.

— Ой! — испуганно пискнула маленькая Мина, отскакивая назад.

— Горишь! То есть… девушка, вы горите! — панически заорал Тоби.

Брат сорвался со своего места, опрокидывая деревянный стул, схватил со стола большую глиняную кружку с недопитым холодным элем и со всей силы выплеснул жидкость прямо на ноги ошеломленной незнакомки.

Раздалось громкое, обиженное шипение, во все стороны полетели брызги пены, и из-под ног девушки повалил густой, вонючий серый дым. Незнакомка испуганно и резко отшатнулась, едва не упав. Она опустила взгляд вниз, с немым шоком рассматривая свой некогда красивый, а теперь безнадежно испорченный, мокрый и покрытый жирной черной копотью сапог, из которого всё еще струился дымок. Затем её взгляд медленно пополз вверх — сначала на перепуганного Тоби с пустой кружкой в руке, а затем на меня. Я всё еще сидел с протянутой рукой, от которой пахло озоном и паленым дегтем. На её хорошеньком, утонченном личике первоначальный испуг со скоростью молнии сменился искренним, леденящим душу возмущением и праведным гневом. Она так грозно свела брови к переносице, что мне захотелось

провалиться сквозь землю прямо в ту преисподнюю из моих детских кошмаров.

Вот так вот. Впервые в жизни я, кажется, по-настоящему влюбился и умудрился испортить абсолютно всё в первую же секунду, даже не успев узнать имени своей возлюбленной.

— Ах вы, поджигатели недоделанные! Бродяги косорукие! — через мгновение взревел из-за барной стойки огромный, как шкаф, широкоплечий и усатый хозяин таверны, который, как выяснилось на наше несчастье, был отцом маленькой Мины и этой прекрасной девушки, которую звали Элисса.

Трактирщик тяжелыми шагами вышагнул из-за стойки, на ходу вытирая руки полотенцем, и встал перед нашим столом, нависая как скала.

— Чуть девке ноги не спалили! Чуть мой трактир, кормилец мой, по ветру не пустили! — гремел он на весь зал, привлекая внимание остальных посетителей, которые начали оборачиваться и весело ухмыляться.

Все мои путаные, лепетные попытки объяснить, что это был «чистой воды несчастный случай с бракованными спичками», с треском разбились о холодный, проницательный взгляд Элиссы. Она стояла чуть позади отца, скрестив руки на груди и мерно постукивая уцелевшим сапогом по полу. В её глазах, помимо вполне понятной злости, теперь отчетливо читалось что-то еще. Острая, опасная проницательность. Она ведь стояла лицом ко мне. Она видела, что в моих ладо-

нях не было никаких спичек, кремней или кресал. Она видела, как огонь сорвался прямо с моей кожи.

В итоге, платить за дорогую испорченную обувь, а уж тем более за «моральный ущерб и порчу имущества» двум нищим бродягам было абсолютно нечем. Даже за комнату заплатить мы не могли. Трактирщик, сурово оглядев наши пустые карманы, вынес окончательный и не подлежащий обжалованию вердикт: три дня бесплатной, тяжелой отработки в таверне.

А чтобы мы не вздумали сбежать в первую же ночь, трактирщик распорядился: раз денег у нас нет, то и на комнаты рассчитывать нечего. Ночевать нам предстояло в старом сарае за кухней, где пахло прелой соломой, мокрым сеном и крысиным помётом. Вышибалы, эти двое угрюмых громил, что маячили у дверей, теперь стали нашими ночными сторожами. Один из них, с кривым шрамом через всё лицо, нарочно хлопнул тяжёлой щеколдой прямо над моим ухом, будто хотел убедиться, что мы как следует поняли своё место.

Так начался наш личный, изнурительный бытовой ад. Намного проще, как оказалось, было с криками убегать через колючие заросли от разъяренных туземцев, чем заниматься делом, к которому у нас обоих не было ни малейшего таланта. У нас откровенно, с треском ничего не получалось.

Тобиаса, с его тонкими книжными пальцами, определили в помощники официанта в общий зал. Мой бедный, тихий брат, привыкший к абсолютному покою, уединению и чте-

нию старых фолиантов, полностью и окончательно потерялся среди этой грохочущей, полупьяной, пахнущей потом и перегаром толпы наемников, лесорубов и торговцев скотом.

— Эй, заморыш, шевелись! Где мой эль?! — рявкнул огромный бородатый наёмник, грохнув кружкой по столу. Тоби в панике хватал тяжелый поднос, несся со всех ног к нему через зал, путался в собственных длинных ногах или спотыкался о чью-то умышленно выставленную тяжелую ногу. В следующий миг поднос летел в одну сторону, а три огромные глиняные кружки с темным, пенным пивом отправлялись в свободный полет, точнехонько обливая сидящих за соседним столиком купцов. Зал взрывался грохотом хохота и отборной бранью, Тоби судорожно ползал на коленях, собирая осколки, и от жуткого страха начинал извиняться, путая обычные слова с заумными, высокопарными терминами из древних чудотворческих свитков. Это, понятное дело, злило нетрезвых посетителей еще больше, и в него то и дело летели корки черствого хлеба.

У меня же на кухне, скрытой от посторонних глаз, дела обстояли еще более катастрофически. Суровый повар, подчинявшийся напрямую хозяину, поручил мне самую «простую», по его мнению, работу: непрерывно чистить горы грязной картошки, следить за огромным, бурлящим чугунным котлом с мясным рагу и вовремя подбрасывать дрова в огромную зобу печи, поддерживая ровный жар.

— Смотри мне, парень, — пригрозил шеф-повар, ты-

ча мне прямо в нос огромным, испачканным в муке пальцем-сосиской. — Не дожаришь мясо — хозяин тебя самого свиньям на заднем дворе скормит. Пережаришь хоть на каплю — плюс день к отработке, будешь у меня тут неделю свинарник драить.

Я честно, изо всех сил старался быть полезным и незаметным. Но у судьбы были на меня свои, крайне ироничные планы. Каждый раз, когда тяжелые кухонные двери с криком распахивались, и в помещение заглядывала Элисса, чтобы принести гору грязной посуды или забрать готовые заказы, моё сердце совершало безумный кульбит где-то в районе горла. А моя внутренняя магия, словно упрямый, глупый и совершенно не поддающийся дрессировке щенок, мгновенно и бурно реагировала на моё душевное волнение.

Стоило девушке просто пройти мимо, обдав меня тонким ароматом лаванды, или мимоходом бросить на меня свой строгий взгляд, как дрова в печи, до этого мирно тлевшие, со страшным грохотом взрывались целым снопом яростных янтарных искр. Огонь гудел, вырывался из заслонки, мгновенно поднимая температуру в помещении до уровня кузницы. К исходу первого дня я умудрился полностью сжечь три огромные порции фирменной похлебки, превратив дорогое мясо в угольную, дымящуюся жижу, от которой плакали повара, и в порыве очередной паники случайно… намертво расплавил тяжелую железную кочергу, которой пытался поворошить угли. Бедный поваренок после этого случая ша-

рахался от меня как от зачумленного, крестясь каждый раз, когда я просто тянулся за ножом для чистки овощей.

— Быстрее бы уже прошли эти три дня, — бубнил он. — Держать такого на кухне — сущее безумие.

Вечером второго, не менее кошмарного дня, когда таверна наконец закрылась, а пьяные гости разбрелись по комнатам, я устало сидел на деревянном крыльце заднего двора. Небо было чистым, усыпанным крупными звездами. Я вяло и обреченно пытался оттереть въевшуюся черную сажу со своих исцарапанных ладоней. Огонь внутри меня после тяжелого дня глухо, лениво ворочался в груди, приятно согревая уставшие пальцы.

— Спички, говоришь? Бракованная партия? — раздался вдруг тихий голос откуда-то сверху, со стороны ступеней.

Я испуганно вздрогнул, едва не выронив тряпку, и поднял голову. На верхних ступеньках крыльца, прислонившись спиной к деревянной балочной опоре, стояла Элисса. На ней были уже другие, старенькие, видавшие виды, но чистые сапоги, а в руках она… держала тот самый тяжелый кожаный дневник нашего отца, который Тоби по своей непростительной глупости и усталости оставил вечером на столе в общем зале.

— Обычные люди не умеют высекать живой огонь голыми руками, Зейн, — она медленно, плавно спустилась на пару ступеней ниже и присела на деревянный настил рядом со мной. Расстояние между нами сократилось, и я снова почув-

ствовал этот сводящий с ума запах лаванды и свежего тактирного хлеба. — И уж тем более обычные бродяги не носят с собой древние дневники, от корки до корки исписанные тайными символами Первых Чудотворцев. Тебе повезло, что мой отец не умеет читать ничего, кроме долговых расписок, а Торк слишком пьян, чтобы заметить книгу. Но я знаю эти знаки. Мой дед… Он был хранителем архива и историком в столице. Я видела такие руны на древних картах.

Я полностью замер, боясь пошевелиться и не зная, что ответить. Вся наша тайна, которую мы с братом так бережно, со страхом хранили долгие десять лет, была раскрыта в одно мгновение девчонкой, которой я по глупости едва не сжег ноги.

— Вы ведь ищите что-то, что лежит за Мертвым лесом, верно? А еще, — она повернула голову и посмотрела на меня в упор своими проницательными глазами. В полумраке её лицо казалось бледным и невероятно красивым. — Я знаю, что это как-то связано с церковью. Я никогда не питала к ней особых чувств, и знаю, что раньше, много лет назад, все было по-другому. Дед рассказывал мне. А теперь вот этот дневник.

По моей спине пробежал холодок. Как много эта девчонка знает?

— Твой брат весь вечер бормотал что-то про изменившееся русло реки и координаты, пока оттирал пиво с пола.

— Элисса, послушай… — хрипло начал я, но она мягко,

но решительно перебила меня, приложив тонкий палец к обложке дневника.

— Я пойду с вами. И это не обсуждается. Вы без меня и пары миль не пройдете по этим землям — либо твой чудной брат Тобиас опять сделает что-нибудь не так, либо ты в порыве смущения случайно сожжешь вашу единственную карту вместе со штанами. К тому же… я прекрасно знаю эти места. Я знаю, где именно русло реки изменилось после большого обвала пять лет назад. Я покажу дорогу.

Она протянула мне дневник, её пальцы на секунду коснулись моих, испачканных сажей рук, и я окончательно понял, что пропал. Моё сердце колотилось как сумасшедшее, и, кажется, на этот раз моя внутренняя магия была здесь совершенно ни при чем.

Утро третьего дня нашей отработки началось как обычно, но уже через час мы поняли, что кое-что изменилось. То и дело слышались крики хозяина, которые, к моему удивлению, дополнялись ответными криками Элиссы.

Хоть она и сказала вчера, что пойдет с нами, мне как-то не особо в это верилось.

— А я все равно пойду, и точка! – в очередной раз крикнула наша самопровозглашенная спутница. – Дед не просто так брал меня с собой в экспедиции. Я знаю, он хотел бы, чтобы я отправилась в путешествие.

— Этот старый дурак только и знал, что сидеть со своими книгами и свитками. Не удивлюсь, если он не пропал, а его

просто ими завалило. – в ответ на слова Элиссы разразился хозяин.

— Это так ты о собственном отце говоришь? – возмутилась Элисса.

— Я имею право говорить то, что думаю. И думаю я, что ты никуда не пойдешь!

И вот так целый день! Стоило только Элиссе и хозяину взглянуть друг на друга, как снова начиналась словесная перепалка.

— Думаешь, она всё-таки уйдёт? — шёпотом спросил брат, косясь в сторону коридора, откуда доносился очередной раскат отцовского голоса.

— Вряд ли, — буркнул я, стараясь звучать увереннее, чем чувствовал. — Любящий отец не отпустит дочь с двумя неизвестными бродягами. Да и кому мы такие нужны: один вечно всё роняет, второй — поджигает.

Но в этот момент из полумрака коридора вылетела сама Элисса. Лицо у неё было пылающим, а глаза сверкали.

— Он не отпустит, — выдохнула она, останавливаясь напротив нас и встряхивая головой, чтобы откинуть с лица выбившиеся пряди. — Но я и не просила разрешения. Я сказала, что ухожу. И он понял: если попытается меня удержать силой, я всё равно сбегу — только уже одна. А одному в этих землях не выжить.

Я хотел было возразить, что раз отец не отпускает, то не следует ему перечить, но слова застряли в горле в тот са-

мый момент, когда она повернулась ко мне. Едва не щелкнув пальцами, я сделал вид что рассматриваю свои ноги. Хоть мы уже несколько дней работаем в таверне, но я никак не могу привыкнуть, что она рядом.

- Выходим на рассвете. Я подготовлю все необходимое.

И вот наша странная компания из двух бродяг пополнилась третьим человеком. Надеюсь, я случайно не подожгу её сапоги.

Глава 3. Танцы посреди каньона.

Наконец три дня изнурительной отработки подошли к концу. Мы упросили хозяина дать нам ещё раз переночевать в сарае, и, к нашему удивлению, он не стал спорить. Только махнул рукой, будто отмахнулся от надоевшей мухи:

— Спите. Но к рассвету чтоб духу вашего тут не было.

Наверное, он просто устал от нашего присутствия, от вечных неудач, от того, что мы вечно всё портили.

На рассвете, пока суровый хозяин таверны ещё видел десятый сон, мы тихо покинули «Хмельной кабан». Элисса, проскользнувшая мимо сонных вышибал, лишь на мгновение обернулась на таверну, бросила взгляд на одно из окон на втором этаже и едва заметно кивнула.

— Мина, не волнуйся, сестренка вернется, – едва слышно прошептала она.

Надеюсь, больше мне не придется работать в таком месте.

Ну, зато кажется контроль давался мне все лучше. И хоть при виде Элиссы, а особенно в те моменты, когда она смотрит на меня, мои руки начинали дрожать, я все лучше сдерживал детскую привычку щелкать пальцами. Хоть в чем-то эта отработка пригодилась.

Пройдя через просыпающийся городок, мы наконец вышли за ворота. Впереди лежали суровые, бесплодные земли: серый гранит, редкие кустики жухлой травы и пронзительный ледяной ветер, который непрерывно свистел в глубоких расщелинах и каньонах, заставляя кутаться в плащи. Я всё ждал, что мы свернём не туда, что даже Элисса запутается в этих одинаковых серых камнях. Но она шла уверенно, будто эти земли были ей знакомы с детства, и выводила нас в обход опасных болот — прямо к высокому каменистому плато. Вдоль него с рёвом неслась бурная, пенистая горная река, её грохот перекрывал даже вой ветра.

— Нам нужно пройти вдоль этого каньона еще мили две, — Элисса шла впереди, её каштановые волосы красиво развевались на ветру. Она то и дело сверялась со старым компасом. — Там будет старый брод, который не отмечен на новых картах. Перейдем реку, и мы у цели.

— Главное, чтобы по пути нам снова не попались жабьи дикари, — уныло отозвался Тобиас, поправляя сползающую сумку. Брат за эти дни заметно осунулся, но дневник из рук не выпускал.

— Послушай, — начал я, когда мы остановились немно-

го передохнуть. Солнце уже поднялось достаточно высоко, и тот холодок, который на рассвете обволакивал нас, давно улетучился. — А что случилось с твоим дедом?

— Э? – Элисса дернулась, словно ужаленная земляной пчелой. Едва не выронив из рук свой рюкзак, она резко обернулась.

— Просто, ну… Когда ты ругалась с отцом, я кое-что услышал. И… В общем наш отец, он ведь пропал, когда мы были еще детьми.

Тоби, до этого листавший дневник, посмотрел на меня словно я признался в том, что я с другой планеты.

— Знаешь, братец, ты иногда бываешь очень нелогичен. Еще вчера сам мне говорил, что нужно как-то деликатно это узнать, а сейчас просто спрашиваешь в лоб.

Элисса рассмеялась, то ли ради того, чтобы скрыть свои настоящие эмоции, то ли из-за выражения лица Тоби.

— Если ты не хочешь говорить, то не нужно, – я попытался вернуть себе вид крутого старшего брата.

— Да нет, не в этом дело, - Элисса посмотрела куда-то в даль. – В это нет никакого секрета. Я ведь уже говорила, что он меня учил. В одной экспедиции, мне тогда было лет девять, может быть уже десять, в общем примерно семь лет назад, мы с ним нашли какие-то камни, на которых были выщерблены руны. Я сразу вспомнила их, когда увидела ваш дневник.

— Ты можешь их читать? – лицо Тоби вытянулось.

— Нет, не совсем. Но я знаю, что это не просто рисунки, а письмена. Дед мог их читать, а вот я нет, он не успел меня научить. Или не хотел.

Повисла неловкая пауза. Элисса продолжала стоять, так и держа в руках рюкзак, Тоби, сидевший с дневником, неловко смотрел в ее сторону, а я вновь начал чувствовать дрожь в руках.

— В конце концов, никто не видел ни тела моего дедушки, ни каких записок от него, но через некоторое время после этой экспедиции он просто исчез. Теперь я начинаю понимать, почему он не стал меня обучать этим символам, но от этого ничуть не легче. – ее голос надломился и совсем стих.

— Ладно, давайте не будем о грустном, – в очередной раз я решил показать из себя хорошего старшего брата. – Думаю пора бы немного перекусить. Хотя на этой равнине вряд ли удастся зажечь костер, но стоит попытаться. Не хочется есть сырое мясо.

Сложив из валунов подобие небольшой печи, мы смогли-таки запалить огонь. Элисса взяла все в свои руки и уже через полчаса мясо весело зашипело на небольшой походной сковородке. Вот что значит дочь хозяина таверны.

Немного подкрепившись было решено проложить маршрут дальше, и здесь нам предстояло сделать выбор. Либо перейти реку вброд, либо идти немного южнее, до старого моста. Обычный человек скорее всего выбрал бы путь через мост. Пусть и старый, но все равно куда безопаснее, нежели

пересечение реки.

— Я слышала, что сейчас мост захватила шайка разбойников, поэтому думаю, что туда лучше не идти. – Элисса снова рассуждала как наш проводник. Казалось, недавнего разговора не было.

— Разбойники — это не очень хорошо. – не отрываясь от дневника пробормотал Тоби.

— Да, разве что немногим лучше дикарей. – решил я пошутить.

— Так что, идем вброд? – Элисса вопросительно посмотрела мне прямо в глаза.

— Ну… Т-ты у на-ас гл-лавна-ая. - озноб вперемешку со смущением вызвал у меня внезапный приступ заикания.

— Значит, идем, как и планировали.

Доверившись решению идти через реку, мы сложили наш лагерь и двинулись дальше, к реке, которую уже было слышно. Быстрая горная речка бежала, весело звеня и булькая, и от того становилось только холоднее. Несмотря на то, что солнце уже было в зените, и начало припекать, ветер, дувший со стороны воды пронизывал до самых костей. Хоть у реки и можно было укрыться от ветра, особо сильно валуны не спасали. Ветер все равно был холодный и неприятный.

— Если я промокну – сушить будешь ты, - внезапно произнес Тоби. – Не хотелось бы намочить сумку.

— О, великий языковед боится намокнуть? – Элисса весело рассмеялась. – Я-то думала, что великий и всезнающий

Тобиас не может справиться только с работой официанта, а оказывается он еще и плавать не умеет?

— Очень смешно, - показал ей язык брат. – Я не хочу, чтобы с записями что-то случилось. Даже если ты нас и проведешь дальше, все зацепки у нас здесь. Без них наш путь просто не будет иметь смысла.

— Хватит! – резко оборвал я их перепалку и перешел на шепот. — Я что-то слышу.

Это был не шум реки и не завывания ветра. Кажется, что недалеко вели беседу по меньшей мере трое. Голоса были разные. Один пищал словно мышь, другой говорил басом и с отдышкой, а третий в свою очередь со странной манерой растягивать слова.

— Кажется я узнаю интонацию, я уже слышала раньше этот голос. – прошептала Элисса прислонившись к валуну.

— Нееет, ты не прав, мой друуг. Надо воот так. Повторяай за мной.

— Уф, нет, я не успеваю, уф.

— Хи, кажется, брат, тебе нужно скинуть пару десятков килограмм.

Казалось, что эта троица чем-то занималась, и мне сейчас почему-то очень захотелось узнать, чем именно.

— Сидите здесь, а я посмотрю поближе, - сказал я своим спутникам, и двинулся прямо на голоса.

То, что я увидел, вызвало, мягко говоря, небольшой шок. На поляне трое в обтягивающем трико танцевали балет. Ну

или точнее пытались. Тот, который растягивал слова, судя по всему, был у них главным и показывал другим, как правильно выполнять па. Второй, голос которого гремел басом, то и дело падал на землю, его короткие ноги вкупе с большим животом явно были не созданы для пируэтов. Третий же, тощий и невысокий, с крысиным лицом смеялся над толстяком. Главарь танцоров был изящен, хорошо сложен и в целом, смотрелся очень даже профессионально. Только не в это время и не в этом месте.

Я замер за валуном, не веря своим глазам. В голове крутилось только одно: "Это что, шутка?" Ладони вдруг стали ледяными, а в груди что-то неловко ёкнуло — будто я подсмотрел что-то очень личное, хотя выглядело это до смешного нелепо.

— Так я и думала. – Тихий шепот над ухом заставил опомниться. Позади меня стояла Элисса. Она подошла так тихо, что я ее вообще не заметил.

— Я же сказал сидеть там! – возмутился я.

— Они не опасны. – Элисса сделала вид, что не услышала моих слов и взмахом приказала Тоби идти за ней.

— Скажите, что мне это снится. – ошарашенно произнес брат, едва удерживая выскользнувший из рук дневник.

— Ты их знаешь? – я слегка удивился.

Элисса кивнула. Она вышла на поляну, где трио отрабатывали очередное па с таким невозмутимым видом, что я даже опешил.

— А вы что тут делаете? – громко спросила девушка и все трое резко вздрогнули.

Толстяк от неожиданности снова рухнул на землю и крысомордый не смог сдержать смешок.

— Ох, дорогууша, ну и напугаала ты наас. – солист балета остановил свое вращение на одной ноге и так и застыл. – Чуть сеердце не выскочило из груди.

— Уф, ты что, не видишь, уф? – толстяк с трудом поднялся, опираясь руками на колени. – Господин Труа показывает нам, как вкладывать душу в танец.

— Только у тебя не получается. – снова хихикнул крысомордый.

— У меня просто ноги короткие. – начал оправдываться толстяк.

— Ага, и веса лишнего килограмм двадцать. – не останавливался крыс.

Я совсем перестал понимать, что происходит, и кажется не я один. Тоби стоял позади меня с открытым ртом, округлившимися глазами и выронив из рук дневник.

— Так и что вы все-таки здесь забыли? — Элисса сложила руки на груди. — Вас выгнали из таверны за то, что вот он, — она ткнула пальцем в толстяка, — съел тройную порцию ужина. Не заплатив. И ваш балет, если вы не забыли, ситуацию не спас. Только хуже стало. Вам же велели и близко не подходить к городу!

Труа, все еще балансируя, недовольно поморщился:

— Ну нельзяя зарубать твоорчество. Мы же чеестно собираааались отрабоотать. Бесплаатные урооки балета.

— Знаете, я не очень понимаю, что здесь творится, но, может быть, мы пойдем дальше? — немного пришел в себя Тоби подняв дневник.

— Если эти трое не будут нам мешать и просто пропустят, то да, мы пойдем дальше, — удивительно было то, что Элиса до сих пор держала себя в руках.

Крыс и толстяк после ее слов заметно приуныли. Но Труа лишь всплеснул руками:

— Мои дорогиие лебедята, не унываайте. Они проосто еще не прониклись нашим таанцем! Пропустите наших маленьких друзеей. А-ха-ха-ха-ха.

— Да, босс! – двое подопечных резко встали по стойке смирно.

— Остороожнее в катакоомбах. – Протянул Труа после того, как мы прошли на другую сторону поляны. Он показал нам большой палец и снова начал неистово вращаться.

Я обернулся, чтобы переспросить, но Труа уже снова кружился, будто ничего и не сказал.

Глава 4. Лекарь-шарлатан и снайпер.

Слова Труа про катакомбы никак не выходили у меня из головы. Откуда этому эксцентричному разбойнику вообще известно, что мы держим путь под землю и что там небез-

опасно? Он кружился перед глазами, как назойливый призрак, а его финальное предостережение эхом отдавалось в ушах, перекрывая даже нарастающий рев реки. Я то и дело оглядывался назад, ожидая увидеть неистово вращающегося балеруна, но поляна осталась далеко позади, скрытая серыми гранитными глыбами.

Вскоре мы вышли к броду. Зрелище было, мягко говоря, так себе. Бурный, пенистый поток с грохотом несся между острыми валунами. Вода казалась ледяной даже на вид.

— Ну и как мы это перейдем? — уныло спросил Тобиас. Он остановился у самой кромки, испуганно глядя на летящие брызги. Брат судорожно прижал к груди свою сумку. — Я тут точно ко дну пойду. И ладно я, но, если записи отца пострадают, наш путь просто потеряет смысл.

— Я пойду первым, — я нащупал сапогом дно: камни крупные, сидят плотно. — Не скользкое. Пойдём медленно — перейдём без проблем. Главное — не отпускать рук друг друга.

Тоби посильнее затянул пояс сумки, взял меня за одну руку, Элиссу за другую, и мы пошли. Первый шаг в воду, и моя уверенность сразу улетучилась. Быстрое течение не давало твердо стоять на камнях, а ледяная вода, залившая мои сапоги, сразу превратила пальцы ног в ледышки.

Медленно, шаг за шагом мы дошли до середины брода, и я уже слегка расслабился, как вдруг сверху послышался громкий выстрел и мимо уха что-то просвистело. Второй выстрел

не заставил ждать. Он пришелся по камню, лежащему на берегу, словно приглашая нас.

Кто-то наверху следил за каждым нашим шагом. И целился не для того, чтобы убить — иначе мы уже не стояли бы в этой воде.

Перейдя брод и наскоро вылив воду из сапог, мы встали на месте, не зная, позволено ли нам идти дальше. Даже Тоби, поднявший сумку над головой во время перехода, остался в этой позе.

Очередной выстрел пришёлся в землю шагах в десяти впереди нас. В ту сторону, куда нам оставалось идти. Мы пошли вперёд. Гул реки начал затихать — и чем тише становилось, тем явственнее я чувствовал: нас по-прежнему ведут.

— А теперь стоять! – послышался слегка хриплый женский голос.

Я поднял глаза наверх и заметил небольшую фигуру на выступе скалы. Старая кожаная куртка, короткие волосы, на лбу очки-маска — из тех, что носят в шахтах. И — главное — большая винтовка в руках.

— Говорить буду я. — я покосился на брата, стараясь придать голосу твердость. — Вроде на аборигена не похожа. Тоби — молчать.

Тобиас посмотрел на меня с выражением лица, словно я наступил ему на больную мозоль, но ничего не сказал.

— Мы пришли с миром! — заговорил я и шёпотом добавил, брату: — Вот как надо.

— Сумки на землю и три шага назад! – прохрипела девушка со скалы и вскинула винтовку. – Вы у меня на мушке.

Тоби посмотрел на меня с таким выражением, что я понял – дневник он отдавать не хочет. Но выбора нам не дали, и мы медленно положили перед собой весь наш скарб: сумку с дневником, охотничий нож, мачете и рюкзак Элиссы.

— А теперь отошли! – потребовала от нас нападавшая.

Мы отошли назад, и стоя неподвижно смотрели, как сверху спустилась девушка, ростом едва ли выше Элиссы и принялась осматривать наши пожитки, на секунду задержавшись на сумке Тоби.

— И что, ни одной монеты? – разочарованно хмыкнула она. – За это барахло много не выручишь. А за аборигена ты у меня еще ответишь!

Я сглотнул. Она слышала каждое мое слово.

— Вы пойдете со мной! – Повернулась она к нам, пнув сумки обратно и взяв нож и мачете. - Ты – идешь первым!

Палец её указывал на Тоби. Не на меня или Элиссу, а на Тоби. Я хотел было дёрнуться, но винтовка уже смотрела на меня, и я застыл.

Тоби подобрал сумку, отряхнул и с надеждой посмотрел на меня.

— Почему он? – спросил я надеясь не получить пулю.

— Вопросы буду задавать я. – коротко отрезала бандитка.

Но вопроса не последовало. Вместо этого она указала стволом винтовки направление, и мы молча пошли. Тоби, за

ним Элисса и я, а сзади наш конвоир.

Я хотел спросить куда мы направляемся, и уже повернул голову, но почувствовал, как дуло уперлось мне в спину.

— Смотри вперед! – приказ последовал незамедлительно.

— Послушай, - заговорила Элисса не поворачивая головы. – Мы просто путешественники, и если бы ты могла нас отпустить, то…

— Тощий. У него в сумке книга. Не знаю, что за книга, но Ворч примет её как плату.

— Нет, не отдам! – выпалил Тоби.

— Тихо! — выстрел свистнул где-то над головами. — Ещё одно лишнее движение — и ты больше никогда не откроешь глаза. Что лучше, выжить или лишиться какой-то старой книги?

— Не стреляй! — я врезался голосом в тишину раньше, чем брат успел что-то ответить. — Он не в себе. Мы поняли.

Тоби, не оглядываясь, кивнул. Он понял меня — в этом я почти не сомневался.

— Ты ведешь нас к Ворчу? Кто он? – Элисса попыталась разрядить обстановку, но сделала только хуже.

Получив пинок по ногам, я не удержал равновесия и рухнул на землю, едва не повалив Элиссу за собой, а дуло уже смотрело в нашу сторону. Я боялся, что сейчас последует выстрел.

— Я же сказала, вопросы задавать буду я! Это касается и тебя, и твоего парня, и того тощего.

Элисса побелела — не от дула, я готов поклясться. И тогда я, лёжа в грязи, подумал: а мне точно не показалось? «Что она сказала? *Парень*? Нет, ну я, конечно, не против, но как-то больно быстро.» При слове *парень* меня обдало жаром, а пальцы рук начали покалывать. Если уж меня так назвали, то надо соответствовать, — пронеслось у меня в голове, и я сам не знал, шучу я или решаюсь. И тело решило раньше разума. Рука взлетела сама — в сторону винтовки. Щелчок.

Янтарные искры, словно дожидаясь разрешения, обогнули дуло и впились точно в пальцы конвоира. Вскрик — и винтовка на земле.

Я лишь надеялся отвлечь её и выбить винтовку из рук, но не причинять боль. А получилось совсем иначе.

Поднявшись, я бросил взгляд на винтовку и ее хозяйку. Теперь она сидела на земле, испуганно глядя на меня, а винтовка лежала в паре шагов от нее.

— Теперь, может быть, расскажешь, кто ты и что за Ворч? – Тоби выглянул из-за плеча Элиссы. – Тем более если речь про мою книгу – я обязан знать.

— Кхм, да, уж будь добра, расскажи нам. – Элисса смотрела куда-то вверх, выше, чем нужно. В глаза у нее читалось легкое замешательство. Готов поклясться, она даже немного покраснела.

— Ты такой же, - едва слышно заговорила конвоир. – Такой же как он. У тебя тоже есть сила.

— О ком ты? – я посмотрел прямо ей в глаза.

— Ворч. – коротко ответила та.

— Ворч? – переспросил Тоби. – Да расскажи уже кто он?

— Но сначала, - Элисса подошла к ней поближе. – Как тебя зовут? Нам нужно знать, чтобы как-то общаться.

— Ноа. Ноа Либхейн, – представилась Ноа.

— Я Элисса Клэйр. Можно просто Элисса. – улыбнулась ей та.

Я впервые услышал ее фамилию. А ведь фамилий мы до этого не называли друг другу. И как же свободно она разговаривает с той, кто только что хотел нас убить. Работа в трактире и переговоры с пьяными постояльцами очень ей пригодились.

— Этот тощий позади меня, - она указала большим пальцем за свое плечо, - Тобиас.

Тоби кивнул в знак приветствия. Молодец, не стал говорить фамилию.

— А этот… — Элисса наконец посмотрела на меня и замолчала.

— Зейн. Зейн Роал, — зачем-то сказал я своё полное имя.

Ну и глупость же я совершил. От одного взгляда Элиссы у меня затряслись руки, и я выпалил всё своему врагу.

— И кстати, — я наконец совладал с тряской. — Верни нож и мачете.

Ноа обожжёнными пальцами отцепила от пояса оружие и бросила его к моим ногам, испуганно покосившись на мои руки.

— Так кто же такой этот твой Ворч? — Тоби, дождавшись, когда ему дадут ответ, вновь подал голос.

— Церковный лекарь. – наконец ответила Ноа. – Он лечит моего брата от каменной лихорадки. Его зелья непомерно дорогие, поэтому мне пришлось стать его клинком.

— Каменная лихорадка? – Тоби пристально посмотрел на Ноа, как будто проверяя, не врет ли она. – Ты уверена, что это именно она?

Ноа кивнула. Теперь её взгляд уже не был испуганным, скорее грустным. Что-то щелкнуло у меня в голове. Мысли из далекого детства, когда Тоби чуть было не упал в колодец, пронеслись, как вихрь, и я понял этот взгляд. Страх за родного человека.

Между тем Тоби уже быстро листал дневник, бубня под нос, - ведь точно где-то было про неё.

— Ага! – воскликнул он. – Каменная лихорадка. Я же знал, что отец писал об этом. Так, что тут у нас. Шалфей, синий мох, нагреть и дать выпить. Ничего сложного или дорогого. Люди давно знают, как поставить человека на ноги за три дня.

— Ты уверен? – я посмотрел на брата.

— Кто из нас изучал дневник? – нахмурился Тоби.

— Тогда, с дикарями, я тоже тебе доверился. Мы чудом не оказались у них на пиру. В роли основного блюда. – все еще сомневался я.

Ноа смотрела на нас, ничего не понимая.

— Что ты хочешь сказать? – вымолвила она через минуту или две. – Лекарства Ворча и то, что Лиам никак не может выздороветь… Нет. Я не верю.

По её щеке прокатилась слеза. Элисса присела на корточки и протянула ей платок.

Ноа молча взяла его, но слез не утёрла. Она наконец дала волю своим эмоциям, которые много месяцев сидели внутри. Теперь слезы текли по её лицу смывая пыль.

Сердце кольнуло — я снова увидел себя: мальчик у очага, день, когда пропал отец и слезы сквозь сажу.

— Зейн, - вырвала меня Элисса из горьких воспоминаний. Она прошла мимо меня, остановилась в шаге позади и дернула за край плаща. – Спасибо. Если бы не твои искры…

Я ничего не ответил, только кивнул.